

Каникулы

В.Ф. Бабуров

16+

Владимир Бабуров

Каникулы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бабуров В. Ф.

Каникулы / В. Ф. Бабуров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Повесть о впечатлениях семнадцатилетнего подростка, неожиданно для себя попавшего в замкнутое сообщество, где впервые соприкасается с реальной взрослой жизнью. Начинающий художник познает бытие в его многообразных проявлениях и размышляет с другом о смысле и сложности жизни, о личности и об искусстве.

«Юноше, обдумывающему житьё...». В. Маяковский.

Ранние семидесятые...

Мне семнадцать. Летние каникулы. Сознание, утомлённое прошедшим учебным годом и недавними экзаменами, требует коренной перемены ощущений.

Ну что же. Менять так менять. Хорошо бы съездить во Владивосток к брату. Давненько с ним не виделась, у него поживу, в море покупаюсь, а заодно напишу морские этюды для летней практики. Как раз брат недавно писал, что приходит из очередного рейса и надеется на отпуск. Решено!

Владивосток в советские времена – город закрытый: для проезда туда требуется пропуск по вызову родственников. Но это песня долгая – не для меня, каникулы-то не вечные. Я знал, что пропускная зона начинается со станции Угольная, и там ходят уже пригородные электрички без пропускного режима – попрошу какого-нибудь доброго местного купить мне билет по его паспорту.

Ранним утром следующего дня я уже сидел в электричку на станции Угольная. Добрый местный очень торопился и не стал покупать мне билет, а посему я просто «зайцем» запрыгнул в электричку. Как меня не застучали контролёры?! Наверное, у них был перерыв на обед. Ещё минут через сорок был у дверей дома в пригороде Владивостока – где жил мой брат. Брата дома не оказалось. Его жена сказала, что отпуска брату не дали, так как заболел его сменщик, а сухогруз «Туркестан», где брат служит старшим механиком вот-вот уходит в новый рейс. Наверное, я уже не успею его застать.

Как не успею?! А для чего я сюда приехал, нарушая пропускной режим закрытого города и рискуя навлечь на себя множество мелких, а может, и не мелких неприятностей. Тайной сокровенной надеждой моей, кроме всего прочего, была также возможность пополнить свой гардероб всевозможными дефицитными заграничными шмотками, которыми брат иногда одаривал меня, избавляясь от излишков своей одежды. Ведь в те унылые советские времена любая более-менее приличная одежда была абсолютно недоступна обычным гражданам. Вспоминаю отдел верхней мужской одежды в центральном универмаге. Весь торговый зал заполнен рядами вешалок с абсолютно одинакового фасона пальто от 44-го до 56-го размеров, сшитыми из сиротской, грязно-серого цвета грубо-колючей синтетики. То же проецировалось и на улицы. А мне семнадцать. А я на танцы каждый вечер хожу!..

Тут же еду в город, самонадеянно полагая, что там всё разузнаю, найду брата и увижусь с ним.

Во Владивостоке-то раньше я бывал, но во всём, что касается порта, кораблей и прочих экзотических для меня понятий, связанных с морем, был абсолютно несведущ. Я правда знал, где находится морской вокзал и уверенно направился туда. Тут я с удивлением обнаружил, что морской вокзал имеет отношение только к пассажирскому флоту, а брат-то мой был старшим механиком на грузовых судах.

У какого-то служивого человека в форме я спросил:

– А где узнать про грузовые корабли?

– Иди к пароходству. Там на стенде информация.

Пароходство оказалось недалеко от вокзала, и действительно – на его стене был стенд, где я и прочитал, что искомое судно в настоящее время находится на рейде и готовится к выходу в море.

Я – бегом назад.

Уже на бегу у каких-то случайных женщин спрашиваю:

– Как попасть на рейд?

– А пошли с нами. Мы туда.

Надо же – во Владивостоке даже случайные прохожие так или иначе связаны с морем.

Женщины направились, обойдя здание морвокзала, к широкому пространству, за которым располагался причал, но оказалось, что попасть туда не так просто. Путь преграждало сплошное ограждение около двух с половиной метров высотой. В нём был только один проход с пропускной будкой, к которой тянулась небольшая очередь. Будка была оснащена сидевшими в ней по обеим сторонам прохода двумя суровыми тётками в форменных тёмно-синих беретах.

Проверяют пропуск, а у меня-то его нет! Как быть?

Любезные дамы, указавшие мне дорогу, цепочкой выстроились в очередь и стали предъявлять свои пропуска обоим «беретам». Пока одна показывала пропуск левой тётке, другая показывала правой.

А я-то уже в шеренге... А за мной-то уже очередь... А мне-то надо на рейд!..

Тут и моя очередь подошла. Повернувшись лицом к сидевшей слева, я с видом бывалого моряка стал искать в карманах якобы имевшийся у меня пропуск. Потоптавшись немного, повернулся к правой, как бы пропуская следующего за мной человека, и уверенно прошёл мимо неё, нагло полагая, что, видя со спины моё замешательство перед левой напарницей, «берет» примет его за предъявление пропуска.

Ну и дела! Сработало! Я проскочил заградительную будку и благоразумно отошёл подальше от бдительных «беретов», пока в них внезапно не проснулся какой-нибудь неведомый мне профессиональный инстинкт и за мной не организовали погоню.

Но где же рейд? Я по неразумению считал, что рейд – это некое длинное сооружение с трапами, как в аэропорту. Осмотревшись, такового не обнаружил. А спросить – стыдно. Я ведь сюда проник «бывалым моряком».

Наконец выбрав среди проходивших мимо не самого грозного на вид, спрашиваю:

– Как на рейд попасть?

– Иди в конец пирса, там рейдовый катер, – махнул рукой в нужном направлении любезный прохожий.

Так вот в чём дело. Очевидно, рейд – на другом берегу бухты.

Дойдя до конца пирса, я действительно обнаружил катер, в который деловито и обыденно садились все подходившие сюда люди. Чтобы не искушать судьбу, я решил лишний раз ничего не спрашивать и так же, как и другие, молча по трапу вошёл на катер. Вскоре он отчалил.

Неожиданно вместо другого берега бухты, катер взял направление в открытое море, и вскоре, мы уже довольно ощутимо качались на реально морских волнах. Вот и берега уже почти не видно. Вдруг катер резко повернул и направился в сторону стоящего на якоре посреди пустынных вод корабля. Мы подошли к висевшему вдоль его борта на каких-то верёвках трапу. Так же молча, как и раньше, двое с нашего катера поднялись наверх и исчезли в недрах корабля.

И снова мы отправились в открытое море. Так повторялось несколько раз. И только на борту шестого по счёту судна я прочитал долгожданное название «Туркестан».

Наверху у трапа стоял человек с красной повязкой на рукаве. «Вахтенный матрос», – вспомнилось мне из какой-то ранее прочитанной книги.

Стараясь преодолеть юношескую ещё писклявость и придав по возможности своему голосу интонации морского волка я крикнул:

– Стармех на судне?!

– Здесь! – последовала краткая и исчерпывающая информация.

Я не спеша и по возможности вразвалочку поднялся наверх.

– Где каюта стармеха?

На моё удивление вахтенный не стал спрашивать у меня никакого пропуска, а достаточно почтительно показал мне каюту:

– Здесь Дед.

«Что за дед?» – подумал я. Мой брат не такой вроде и старый – ему всего двадцать шесть, чтобы взрослые дядьки его дедом величали.

Я постучал в указанную мне дверь...

Дверь открылась, и передо мной предстало заспанное лицо брата, глаза которого, ещё сощуренные недавним сном, внезапно превратились в два совершенно круглых пятна.

– Ты как сюда попал?! – каким-то сдавленным голосом просипел он.

– Как, как! На рейдовом катере приплыл.

– Плавают говно, а по морю ходят. Ты как здесь оказался? Ведь мы уже за границей. Мы паспортный контроль прошли. Капитан последние документы оформляет. Мы сегодня с якоря снимаемся. Кто тебя вообще в порт впустил?

– Кто впустил? Да никто вроде особенно и не держал.

«Ничего себе, – подумал я. – Ну и брат. Хотя бы поздоровался для начала. Я тут, с ним, любимым, чтобы встретиться, столько препятствий преодолел, а он нападает сразу – говном обозвал. Как в детстве меня за человека не считал, так и теперь продолжает. Ну так и быть... Деваться некуда, потерплю – мне не привыкать».

– Так что же мне с тобой делать? Ладно, сиди пока в каюте и не высовывайся, а я должен о тебе доложить капитану.

Брат оделся, сбрызнул лицо водой и вышел из каюты. Через некоторое время он вернулся в сопровождении капитана.

– Да, задал ты нам проблему. Я ведь уже документы подписал. Я команду дал с якоря сниматься. Назад пути нет. Как же быть? Надо эту проблему обмозговать... – и капитан многозначительно посмотрел на брата.

Брат, ни слова не говоря, повернулся и открыл холодильник, все полки которого плотненько были забиты прозрачными, как слеза младенца, бутылками водки со знакомыми каждому этикетками «Столичная». Ничего другого в холодильнике не находилось.

– Вот... – слегка смешавшись передо мной, сказал брат. – Рейс предстоит большой, я и подготовился.

Капитан открыл дверь и крикнул вахтенного.

Через какое-то время довольно миловидная дама в белом передничке принесла в каюту накрытый белоснежной салфеткой поднос.

Сели за стол «обмозговывать».

После многочисленных тостов за удачный рейс, за семь футов под килем, за тех, кто в море, за тех, кто на берегу, за удачное завершение строительства капитанского дома, за детей и чтоб жёны дождались и успели аборт сделать капитан наконец приступил к основной теме:

– Мы тут должны в Находке кое-какие документы захватить, там его и высадим. В порт заходить не будем. К нам выйдет с документами катер. Капитан – мой приятель, хороший парень. Без лишнего шума ему «нелегала» и передадим.

На том и порешили.

Я, честно говоря, и сам уже стал немного волноваться о своей участи. Ведь в мои планы не входило слишком длительное путешествие, хотя в глубине души подумал, что небольшое приключение меня бы вполне устроило.

– А что если я дойду с вами до следующей остановки? Там вы меня и высадите, – робко произнёс я.

– А следующая остановка в Кейптауне, – ответил капитан.

Мне тут же вспомнилась очень волнующая своей заманчивой экзотикой дворовая песенка моего детства: «В Кейптаунском порту с пробоиной в борту «Жанетта» обновляла такелаж...» про убитых «четырнадцать французских моряков». Мне стало как-то не по себе...

– Как в Кейптауне? Я думал, вы куда-нибудь на Сахалин идёте или на Камчатку. У меня каникулы только два месяца.

– А до Кейптауна тебе и зимнего семестра не хватит, – каверзно утешил капитан.

Я, конечно, из школьного курса географии помнил, где находится Кейптаун и с ужасом осознал, что для возвращения оттуда я и в два семестра не уложусь.

Тем временем наш корабль на крейсерской скорости уже рассекал просторы залива «Петра Великого». Несмотря на значительные размеры судна, нас довольно ощутимо то поднимало вверх, то бросало во что-то упруго-вязкое. Сначала меня это весьма забавляло.

– Почти как на качелях в парке.

Но постепенно процедура «навязанной услуги» меня утомила и стала раздражать. Стало подташнивать.

– Когда качка закончится? – спросил я.

– А в Кейптауне и закончится, – с весёлым морским юмором ответил уже ставший таким же весёлым, как и его юмор, капитан.

Не знаю, как капитан объяснил экипажу моё присутствие, но обедать меня пригласили в кают-компанию вместе с остальным командным составом корабля.

Мне после не очень изобильной студенческой жизни обед на судне показался верхом кулинарных достижений и ресторанной роскоши...

Обслуживали это великолепии три симпатичные, как на подбор, улыбчивые и приветливые женщины.

Где же таких набрали? Ведь по Владивостоку хоть целый день ходи, а на улицах таких не найдёшь. Встречаемые мной на владивостокских улицах прохожие в массе своей производили впечатление не первой молодости вокзальных буфетчиц с оранжевыми неряшливыми начёсами, обёрнутыми синтетическими косынками с люрексом, и небритых шоферов с овощебаз в кирзовых сапогах и штанах с вытянутыми коленками. Наверное, все самые лучшие женщины специально отбираются для работы на судах, чтобы скрашивать тяжёлые трудовые будни оторванных на долгое время от своих семей моряков.

После обеда брат отвёл меня в каюту, а сам отправился на вахту исполнять свои прямые служебные обязанности, то есть – в «машину». Я завалился на диванчик, стоящий в гостиной части его двухкомнатных, не считая ванной, апартаментов и стал ради любопытстваковыряться на размещённой над ним полочке.

Чего только я там не нашёл! Тут были словари и пособия для изучения английского языка, и несколько потрёпанных детективов, в том числе и на английском, и японские магнитофонные кассеты, о которых я на тот период ещё только слышал, а видеть не приходилось, и (!) замечательные итальянские порнокомиксы.

Конечно же, первым делом я набросился на комиксы. В моём семнадцатилетнем самосознании эта тема была весьма актуальна. Такой суровой порнухи мне до этого видеть не приходилось. Ведь в Советском Союзе тогда ещё «секса не было».

Вот братец молодец! Сам женат, дети по лавкам, а порнухой балуется. Старый уже. Аж на девять лет меня старше! Не зря вахтенный Дедом назвал. Нет чтобы младшему братишке подарить для подкрепления родственных чувств. Я представил, какой успех имели бы эти картинки в общаге, подняв тем самым мой рейтинг в глазах друзей на небывалую высоту.

С удовольствием и очень тщательно я просмотрел все комиксы от корки до корки, возвращаясь иногда к наиболее эффективным эпизодам по нескольку раз. Покопавшись ещё на заветной полочке, я обнаружил очень красивую коробочку с яркими японскими иероглифами.

Интересно, а тут что? Опа! Резиновые изделия № 2 (кто не знает – напомним, что это преискурантное обозначение кондовых отечественных презервативов по четыре копейки за штуку). В моём детстве эти изделия были популярны в мальчишеских забавах. Их надували вместо отсутствующих в продаже воздушных шаров и использовали в проказах, наполняя их водой и с размаху надевая на голову зазевавшемуся пацану. Ну и прямое их назначение, конечно же, было известно всем мальчишкам от некоторых старших братьев, а то – и от отцов.

Ни фиги себе! Ну и брат! Ведь только что с женой простился. Зачем они ему тут? Ах – да! Наверное, он их для жены приготовил и забыл домой отнести. А с другой стороны – зачем они жене в его отсутствие? Парадокс какой-то.

Ладно, вернётся брат – у него спрошу...

Под эти размышления я и задремал.

Разбудил меня брат уже под вечер.

– Вставай – ужин проспишь.

– А ты мне не подаришь комиксы? – спросил я.

– Какие комиксы?

– Как какие? Да вот тут у тебя на полке стоят.

– Где стоят? Приснилось тебе всё.

Действительно, на полке уже не было ни комиксов, ни заветной коробочки.

– Но ведь были!

– Я же говорю – приснилось!

Ну что ж. Узнаю брата. Он с детства был такой скрытный.

В дверь постучали. Вошел капитан.

– Тут такая коза случилась. Радиограмма пришла – в Находку не идём. Пакет другое судно забрало. Сейчас на Сингапур – берём каучук, а там на Кейптаун. Как нам с «нелегалом» быть – ума не приложу. Хоть за борт его бросай. Если в пароходстве узнают – нас же затрясут. Потом за сто лет не отмоемся. И высадить-то его негде. Как он без загранпаспорта и визы домой вернётся? Ну, парень, ты и влетел! И мы с тобой заодно. Что делать? Открывай, Дед, холодильник.

Повторилась утренняя мизансцена «обмозговыванья» проблемы.

– Значит, так! – после четвёртого тоста произнёс капитан. – Экипажу я скажу, что ты ещё и дальний родственник капитана порта и по его просьбе тебя взяли в рейс – мир посмотреть, а с документами – всё в порядке! Чтобы лишних вопросов не задавали.

– А как же замполит? Ведь он обязательно настучит, – сказал брат.

– С замполитом я разберусь. Он в прошлом рейсе три ковра и кассетный магнитофон контрабандой из Японии ввёз. (Для тех, кто не знает: ковёр в то время был в Советском Союзе предметом небывалой роскоши и престижа, а также недоступной простым гражданам редкостной диковиной.) Вот я его и шугану. Он за эти ковры всю жизнь молчать будет. Может, в Сингапуре своих встретим – кто возвращается. Попробуем договориться, чтоб «нелегала» забрали. А теперь пошли на ужин.

«Ну и вляпался! – подумал я. – Устроил себе каникулы. Успею ли к осени домой вернуться? Ведь, чего доброго, из института отчислят? А с другой стороны – лафа подкатила. Мечтал ли я когда в Сингапуре побывать? А тут – на тебе, неожиданно-негаданно! А впрочем – будь что будет. Любил в детстве читать о всяких приключениях – вот и получай!»

Слегка успокоив себя такими рассуждениями, я с эгоистичным предвкушением очередного плотского удовольствия в виде великолепного ужина направился в сопровождении брата и капитана в кают-компанию.

После ужина капитан с братом приняли ещё «обмозговывать» создавшуюся чрезвычайную ситуацию, отправив меня с глаз долой принимать ванну, которая являлась частью роскошных апартаментов брата.

«Жизнь удалась! – подумал я, наслаждаясь тёпленькой ванной, обильно сдобренной братом от щедрот его какой-то изумительно запашистой пеной. – Живут же люди! Пользуются буржуйскими благами, а не как мы – обычным туалетным мылом в общежитском душе...»

Тем временем климат на дворе стал понемногу меняться. Стало значительно теплей и даже жарко. Иногда над водой нависала какая-то неподвижная испарина, как в хорошей

парилке, но тут же мог налететь прохладный ветерок и разогнать весь этот пар за считанные секунды. Приближение тропиков обнаруживало себя влажной духотой и каким-то непривычным, слабо ощутимым запахом чего-то пряного и манящего.

По прибытии в Сингапур и после ожидания на рейде в течение нескольких часов разрешения на вход в порт наш корабль пришвартовался к грузовому пирсу. Часть команды, свободная от вахты, в том числе и мой брат, были отпущены на берег размять ноги, пока сухогруз принимал на борт груз каучука.

Мне, как «нелегалу», было приказано находиться на судне. Дозволялось гулять по палубе и сверху любоваться сопредельной территорией. Для меня, впервые увидавшего заграницу, и это было верхом экзотики.

Сингапур оказался поражающим воображение городом виднеющихся за портовыми кранами фантастических небоскрёбов, украшенных невиданно-завлекательной рекламой и невероятно экзотическими, ярко цветущими деревьями, в том числе и пальмами, которые раньше я видел только на картинках. У меня захватило дух от всего этого великолепия.

По пирсу ходили такие же экзотические, ранее невиданные мной, люди: китайцы в конусовидных соломенных шляпах, какие-то буржуи в пробковых «плантаторских» шлемах, негры в ярких цветастых рубашках. Но совершенный мой восторг вызвали необыкновенные дядьки, которые стали грузить в наш корабль громадные тюки каучука. Это были обнажённые по пояс, огромного роста, очень смуглые чернородые мужики в поблескивающих на солнце чалмах. С грузовых фур они сбрасывали на пирс тюки, обёрнутые белой мешковиной. Тюк упруго подпрыгивал почти на такую же высоту, а в это время его на лету хватал ручищами другой бородастый дядька в чалме и, по ходу направляя движение, бросал тюк в открытый трюм нашего корабля. Все это напоминало какую-то цирковую программу.

Позже брат рассказал мне, что это были индусы-сикхи, «королевские грузчики» – элита сингапурских портовых докеров. Они занимались исключительно погрузкой каучука, очень хорошо зарабатывали, и попасть в их бригаду можно было только по наследству. Никто, кроме них, не мог проделывать такие фокусы со стокилограммовыми тюками.

В восторге от полученных впечатлений, я расположился на верхней палубе и стал зарисовывать по возможности в свой маленький альбом всё это великолепие, чем привлёк любопытство экипажа, для которого рисующий на палубе пацан был не меньшей экзотикой, чем для меня индусы.

Брат в кают-компании за ужином объяснил заинтересованным сей феномен тем, что я молодой, подающий надежды художник и уже студент художественно-графического факультета. Посыпались предложения от команды – нарисовать их портреты, а капитан сделал особенный заказ: дописать на висевшем в кают-компании морском пейзаже парусный корабль для придания картине большей достоверности. Последнее предложение меня особенно заинтересовало, так как для его исполнения понадобились художественные масляные краски и кисти. Кроме того, я нагло присовокупил сюда ещё и этюдник со складными ножками и ещё ряд кое-каких мелочей, корыстно надеясь, что всё это богатство достанется в итоге мне в личное пользование. Капитан распорядился послать на берег кого-то из команды и закупить в городе всё необходимое по сильно преувеличенному мной списку.

Всё это обеспечило в итоге наполненность моего вынужденного досуга и резко увеличило контакты с экипажем, стоящим в очереди за портретами. Особенно радовало, что такая популярность повышает моё реноме в глазах весьма скептически относящегося ко мне брата. Кроме того, портреты давали шанс совместить приятное с полезным: заодно выполнять программу летней практики по рисунку и живописи.

Любоваться сингапурской экзотикой довелось неделю, пока не был принят весь предписанный нам груз. Впрочем, наше судно едва не задержалось ещё на неопределённый срок.

Оказалось, что один из членов команды, матрос по имени Серёга, несмотря на то что на берег отпускались только строго по трое, чтобы каждый по инструкции замполита ответственно следил за другими, всё-таки умудрился в каком-то припортовом заведении выпить лишнего. Он затеял драку с арабами, сидевшими за соседним столиком, которые, несмотря на запреты ислама, тоже, оказывается, не прочь иногда накатить. Его почему-то не устраивало соседство, как он потом объяснял, с «пендосами чёрномазыми». Наши, конечно, за Серёгу заступились. А там ещё были поляки, которые тоже за Серёгу заступились, да ещё ввязались какие-то французы. Короче, явилась местная полиция – индусы с бамбуковыми палками как следует всем вломили, и тех, кого посчитали зачинщиками, в том числе и Серёгу, арестовали. Пришлось нашему капитану вместе с замполитом дипломатическими методами улаживать этот международный конфликт и вызволять матроса из сингапурской «кутузки». Это продлило на один день наше пребывание в Сингапуре.

К не очень большому моему сожалению, в данном порту не оказалось судна, подходящего для столь высокой миссии, как отправка меня домой. Мы загрузились каучуком для Южно-Африканской Республики и непредвиденно, по радиогамме из пароходства, и для Арабских Эмиратов. Нам предстоял длительный переход по южным широтам с заходом в экзотический порт Шарджа.

Моя жизнь на судне постепенно становилась всё насыщеннее впечатлениями и знакомствами. Свободные от вахты моряки с удовольствием позировали мне, что скрашивало их досуг в замкнутом пространстве корабля. Я тоже извлекал из этого немалую для себя выгоду. Те портреты, которые не особенно удовлетворяли «заказчика», становились моим личным фондом, которым наряду с натурными зарисовками и этюдами я собирался поразить своих педагогов по возвращении в институт. Кроме того, я получил отличную возможность общения с кругом совершенно новых и необычных для меня людей. Особенный интерес к возможности запечатлеть себя проявила одна из тех чудесных женщин, присутствие которых в кают-компании так приятно удивило меня. На судне она совмещала две должности: официантки и библиотекаря.

В моей не сильно благодаря юному возрасту насыщенной событиями биографии особенным пробелом, смущавшим моё самосознание, было отсутствие опыта отношений с женщинами.

Конечно, имелось в виду не повседневное общение, которым иногда даже чрезмерно наполнена жизнь каждого, кто не сидит целыми днями дома. Подразумевалось то, что давно уже зрело в глубинах моего подсознания, но пока не имело возможности воплотиться в реальной жизни.

Короче, что там наводить тень на плетень – я был девственник...

В общезнании, конечно, хватало всяких рассказов перед сном о подлинных или мнимых сексуальных подвигах моих друзей, многие из которых поступили в институт уже после армии и имели кое-какой жизненный опыт. Но мне собственной практики пока что Бог не дал. Излишне говорить, что моё семнадцатилетнее естество было постоянно атаковано почти непрекращающимися сексуальными фантазиями, доводящими меня иногда до умопомрачения невозможностью их немедленного удовлетворения, а тут – на тебе, женщина! Да ещё такая симпатичная, да ещё позировать хочет! Старовата, правда, для меня. Ей, наверное, уже года двадцать три. Я для неё, конечно, пацан совсем, вряд ли хоть какой-то интерес могу у неё вызвать, кроме портрета. Вон тут сколько взрослых мужиков, да ещё каких! Ну ладно... Хоть так пообщаюсь – и то приятно.

«Библиофициантку» или «офицбиблиотекаря» звали Нюра. Мы договорились начать её портрет на следующий день в её свободное время. Кубрик, где обитала Нюра, был двухместный и довольно маленький, в отличие от роскошных апартаментов моего брата.

Я поинтересовался, как же мы будем заниматься портретом в крошечном кубрике, да ещё и в присутствии её напарницы. Но Нюра успокоила меня, сообщив, что напарница её работает в другую смену, да и вдобавок почти не ночует на своей койке, так как у неё роман со штурманом.

Ничего себе – роман! До сих пор я думал, что роман – это когда дарят цветы, ходят на свидания и целуются где-нибудь в кустах, чтобы никто не видел. А тут на тебе – роман! Какой же это роман, если в своей койке не ночевать? Это женитьба какая-то.

Я сходил в каюту к брату за большой папкой с роскошной фактурной бумагой и коробкой цветной пастели, которые были куплены по моему необузданно наглому списку распоряжением капитана. Когда я постучал в дверь каюты моей натурщицы, она была уже готова позировать...

Нюра расположилась на своей койке в позе нимфы, отдыхающей на берегу лесного ручейка. Я, конечно, представлял себе, как должны выглядеть нимфы, по начальному курсу лекций по античной истории искусств, которые нам читала замечательная интеллигентная старушка Клавдия Парфентьевна. Но то, что представляла собой Нюра, было выше всех моих знаний об этих шаловливых созданиях. Она лежала на боку лицом ко мне, прикрытая до половины какой-то полупрозрачной, очевидно нейлоновой тряпицей. А неприкрытая часть её фигуры, то есть то, что художники называют торсом, была совершенно обнажена. Я, конечно, слышал от старшекурсников в общежитии, что они в аудиториях рисуют обнажённую натуру, и меня эти рассказы очень волновали.

Удивительным представлялось, как я стану на старших курсах совершенно свободно лицезреть обнажённую женщину и мне за это ничего не будет. А тут – на тебе! Вот лафа привалила! Мне одному, да ещё и первокурснику – такое везение. Вот покажу свою «обнажёнку» в общаге – все так и попадают...

Несмотря на эти мои рассуждения, я был, конечно, очень смущён и сильно робел. Стараясь выглядеть бывалым художником, которому всё это не в диковинку, я расположился на соседней койке – напротив. После нескольких несмелых штрихов розовой пастелью руки почему-то не стали меня слушаться. Глаза помимо воли отказывались смотреть на представшее предо мной великолепие. Нюра, с очевидным интересом наблюдая это замешательство, решила меня подбодрить и предложила подсесть к ней на кровать, чтобы я получше освоился и перестал смущаться. Кровь ударила мне в голову. Как во сне, преодолевая слабость в ногах, ставших ватными, я переместился на постель к «трепетной нимфе». Нюра взяла мою руку и положила себе на грудь. Я впервые, за исключением грудного возраста, наверное, прикасался ладонью к обнажённой женщине. Меня словно ударило электрическим током. По всему телу пробежала волна какой-то незнакомой до этих пор энергии и мгновенно сосредоточилась в нижней части живота таким образом, что джинсы мои стали моментально тесными. Я застыл. Мне было очень стыдно, что Нюра может заметить восставший непослушный орган и рассердиться за такую неподвластную мне хулиганскую выходку. Но Нюра ничего не заметила, а напротив – обеими руками притянула меня и крепко прижала к своей груди.

– Хочешь полежать со мной? – спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.